671 Пров 38
Булгаков, С. Пров. 1955
Библиотека ООН
Пр.
123
44

О реалистическомъ міровоззрѣніи.

(Нѣсколько словъ по поводу выхода въ свѣтъ сборника «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія». С.-Петербургъ, 1904.)

Мы переживаемъ теперь своеобразный и во многихъ отношеніяхъ интересный моментъ духовнаго развитія русскаго общества. Въ міровоззрѣніи образованной его части, несомнѣнно, происходитъ кризисъ, явственно обозначается переломъ. Въ настоящее время исходъ этого кризиса еще не опредѣлился, но симптомы его мы видимъ въ томъ разбродѣ и шатаніи, которыми характеризуется современная общественная мысль. Еще недавно міровоззрѣніе нашей интеллигенціи опредѣлялось господствующимъ вліяніемъ какой-нибудь опредѣленной доктрины (народничество, марксизмъ). Марксизму послѣднему по времени удалось добиться хотя и кратковременнаго, но довольно полнаго господства надъ умами, которое отчасти еще удерживается имъ и сейчасъ. И тѣмъ не менѣе единовластіе и въ особенности увѣренность въ этомъ единовластіи, даже просто увѣренность въ завтрашнемъ днѣ марксизмомъ безвозвратно утеряна. Стали заявлять свои права настроенія, которыя не вмѣщаются въ рамкахъ марксизма и ихъ ломаютъ, стали раздаваться голоса, которые при полномъ признаніи практическихъ задачъ и дѣятельности сторонниковъ марксизма совершенно отрицаютъ его какъ теоретическое міросозерцаніе, стремясь обосновать однохарактерную практическую программу на иныхъ теоретическихъ началахъ. Мы разумѣемъ новѣйшее *идеалистическое* теченіе въ русской мысли, которое непосредственно изъ его представителей явилось у нѣкоторыхъ на смѣну марксизму [1]).

---

1) Генетическую связь съ марксизмомъ мы приписываемъ новѣйшему идеалистическому направленію, конечно, только какъ извѣстному общественному теченію. Какъ направленіе теоретической философіи, идеализмъ въ Россіи родился гораздо раньше и имѣетъ совершенно другую генеалогію.

Идеалистическое направленіе молодо во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ литературная группа, его представители выступили впервые годъ тому назадъ съ сборникомъ «Проблемы идеализма». До сихъ поръ идеалисты еще не имѣютъ своего литературнаго органа, пріобрѣтеніемъ котораго отмѣчается у насъ обыкновенно гражданское совершеннолѣтіе новаго направленія; они остаются гонимы или допускаются лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія въ общіе органы печати; другими словами, идеализмъ находится еще въ томъ литературномъ возрастѣ, который переживалъ марксизмъ въ періодъ до пріобрѣтенія «Новаго Слова» (и который хорошо еще памятенъ пишущему эти строки).

Но помимо внѣшнихъ признаковъ молодости идеалистическаго направленія существуютъ и внутренніе. Для читателя, знакомаго съ «Проблемами идеализма» и другими писаніями идеалистовъ, ясно, что не всѣ изъ нихъ имѣютъ и даже претендуютъ имѣть сложившееся философское міровоззрѣніе, находясь въ періодѣ *исканій*. Съ другой стороны, поскольку они уже опредѣлились, идеалисты вовсе не представляютъ изъ себя согласованной, спѣвшейся группы, имѣющей вполнѣ однородныя мнѣнія по основнымъ вопросамъ философскаго міровоззрѣнія; здѣсь можно найти довольно различные, хотя и недостаточно еще дифференцировавшіеся оттѣнки мысли, дѣлающіе нѣкоторыхъ изъ нихъ не спутниками, а лишь попутчиками между собою (причемъ наиболѣе глубокія различія касаются, думается мнѣ, отношенія къ религіи и пониманія религіозныхъ проблемъ). И это завѣдомое разногласіе, въ философіи совершенно неизбѣжное и вполнѣ понятное, не мѣшаетъ однако идеалистамъ, по крайней мѣрѣ, до поры до времени, выступать въ качествѣ представителей *одного* направленія, отстаивающихъ нѣкоторыя общія философскія позиціи. Въ теоретической области идеалистовъ соединяетъ въ одно направленіе не столько то, что они уже нашли въ своихъ философскихъ исканіяхъ, сколько то, что они оставили позади и отвергли какъ навсегда перейденную ступень. Они отвергли то отрицаніе философіи и ея самостоятельныхъ проблемъ, которое мы, въ сущности, имѣемъ въ такъ называемомъ позитивизмѣ и въ частности въ марксизмѣ. Идеалисты не могутъ уже помириться съ той простотой и грубостью, съ какою разрѣшались, вѣрнѣе, устранялись въ марксизмѣ и вообще въ позитивизмѣ—якобы во имя науки и ея правъ—важнѣйшіе вопросы

жизни и духа: объ истинѣ и ея познаніи, о добрѣ и злѣ, о нравственности и идеалахъ, о свободѣ воли, о смыслѣ человѣческой жизни, человѣческой исторіи и всего мірового бытія. Всѣ эти вопросы, составляющіе содержаніе философіи, естественно далѣе обобщаются во всеобъемлющую и универсальную *религіозную* проблему, которая даже не ставилась въ марксизмѣ. Конечно, религіозная проблема, которую ставитъ и рѣшаетъ философія, не есть еще религія, ибо религія есть жизнь, и положительное разрѣшеніе религіозной проблемы въ философіи еще не дѣлаетъ человѣка дѣйствительно религіознымъ въ своей жизни. Однако не слѣдуетъ забывать, что въ нашъ раціоналистическій вѣкъ и самая пламенная религіозная вѣра должна получить философское оправданіе и закалиться въ горнилѣ философскихъ сомнѣній. Поэтому философскій идеализмъ есть необходимый путь къ религіи, представляетъ станцію, которой не можетъ миновать современный человѣкъ въ своемъ стремленіи къ религіозному міровоззрѣнію. Право невѣрія какъ и право вѣры должно быть пріобрѣтено мыслью.

Такимъ образомъ, идеалистическое направленіе вновь вынесло на поверхность общественнаго сознанія забытые или отринутые, но никоимъ образомъ не порѣшенные еще вопросы; оно поставило русской мысли «проблемы идеализма».

Другой отличительной чертой, характеризующей идеализмъ какъ общественное направленіе, являются вполнѣ опредѣленные политическіе и соціальные идеалы и проистекающія отсюда симпатіи и антипатіи. Въ общемъ и цѣломъ представители идеализма раздѣляютъ ту программу, которая въ своихъ принципіальныхъ основаніяхъ была искони общепринятой въ передовыхъ слояхъ русской интеллигенціи. Въ своемъ общественно-политическомъ міровоззрѣніи идеализмъ, слѣдовательно, не отличается и сознательно не желаетъ отличаться отъ существующихъ настроеній передовой части русскаго общества, стремясь только подъ старые идеалы подвести новое теоретическое основаніе.

Поистинѣ, книги имѣютъ свою судьбу. Книга «Проблемы идеализма» также имѣла свою судьбу, странную и интересную. Нельзя сказать, чтобы она пріобрѣла идеализму много сознательныхъ сторонниковъ. Да и невозможно, какъ было уже указано выше, заразъ раздѣлять нѣсколько различныхъ точекъ

зрѣнія, намѣтившихся въ «Проблемахъ». У самихъ сотрудниковъ «Проблемъ» нѣтъ общаго катехизиса и общаго символа вѣры. Поэтому, чтобы сдѣлаться «идеалистомъ», нужно пройти длинный искусъ и продѣлать болѣе или менѣе продолжительную самостоятельную работу; при этомъ условіи легкость и быстрота успѣховъ идеалистическаго міровоззрѣнія была бы прямо подозрительной и компрометирующей. Задача сборника могла состоять только въ томъ, чтобы возбудить интересъ къ «проблемамъ идеализма», поставить ихъ предъ умственнымъ взоромъ читателя. И можно съ увѣренностью сказать, что эта задача сборникомъ исполнена. Лучшее доказательство тому состоитъ въ обиліи статей, посвящаемыхъ за послѣднее время «Проблемамъ идеализма». Правда, подавляющее большинство этихъ критикъ отличается враждебностью, доходящей до ожесточенности. Однако почему же «Проблемамъ» суждено было вызвать такое ожесточеніе? Крестовый походъ противъ идеализма отнюдь не можетъ быть объясненъ соображеніями практической необходимости въ виду того, что число его прозелитовъ пока вовсе не такъ значительно, чтобы нужно было тратить изъ-за этого столько чернилъ и желчи. И не изъ-за того же въ самомъ дѣлѣ поднялся весь этотъ шумъ, что между идеалистами оказалось нѣсколько бывшихъ марксистовъ,—худая трава изъ поля вонъ, это даже соотвѣтствуетъ нынѣшней политикѣ марксистовъ. Я могу объяснить это только тѣмъ, что доводы идеалистовъ произвели впечатлѣніе на самихъ критиковъ, и эти послѣдніе, анаѳематствуя идеализмъ, въ сущности стремятся убѣдить и успокоить прежде всего самихъ себя. Они чувствуютъ, что въ ихъ собственномъ міровоззрѣніи образовалась брешь, которую нужно задѣлать и которая лишаетъ ихъ спокойствія и самообладанія. Словомъ, при чтеніи всѣхъ этихъ грозныхъ отповѣдей мнѣ невольно вспоминается игривое стихотвореніе Гейне (въ переводѣ И. И. Н.).

Меня не устрашило
Твое письмо: давно
Меня ты разлюбила,
А пишешь такъ длинно!
Исписана тетрадка
Въ полдюжины листовъ!
Когда даютъ отставку,
Не тратятъ столько словъ.

Рѣшительная отставка идеализму дается и въ только что вышедшемъ сборникѣ статей подъ заглавіемъ «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія», представляющемъ «тетрадку» въ 676 страницъ. Этотъ сборникъ является хорошимъ поводомъ для устраненія одного изъ весьма серьезныхъ недоразумѣній, существующихъ относительно идеалистическаго міровоззрѣнія, и для выясненія важнаго вопроса: въ чемъ же состоитъ истинный реализмъ? Какое изъ двухъ міровоззрѣній, позитивизмъ или идеализмъ, имѣетъ больше правъ считать себя реалистическимъ?

Слово *реализмъ*, подобно большинству ходячихъ выраженій, имѣетъ много различныхъ значеній, въ зависимости отъ того соотношенія, въ которомъ оно въ каждомъ данномъ случаѣ употребляется. Напримѣръ, въ средніе вѣка, при столкновеніи послѣдователей Платона и Аристотеля, понятіе реализма имѣло значеніе совершенно противоположное тому, въ какомъ оно употреблено въ заглавіи «Очерковъ»: тогда этимъ именемъ называлось философское направленіе, утверждавшее реальное существованіе общихъ понятій или идей и приближавшееся къ теперешнему метафизическому идеализму, а ему противополагалось подъ именемъ номинализма направленіе, которое считало понятія существующими лишь въ логическомъ отвлеченіи. Въ области теоріи познанія реализмъ опять-таки имѣетъ особое значеніе (здѣсь онъ противопоставляется такъ называемому иллюзіонизму или субъективному идеализму). Имѣютъ ли объекты нашего познанія самостоятельное бытіе, независимое отъ насъ и внѣ насъ, суть ли они вещи, существующія не только для насъ и нашего сознанія, но и помимо насъ, сами по себѣ или сами для себя (реалистическая точка зрѣнія), или же они безъ остатка разрѣшаются въ наши предсказанія (точка зрѣнія субъективно-идеалистическая)? И опять-таки нужно замѣтить, что въ теоріи познанія многіе метафизическіе идеалисты (въ томъ числѣ и авторъ) стоятъ именно на почвѣ реализма, между тѣмъ какъ многіе позитивисты стоятъ на точкѣ зрѣнія субъективнаго идеализма. Наконецъ, въ области соціальной политики и практической жизни реализмъ всего чаще противопоставляется утопизму, который не умѣетъ считаться съ условіями и возможностями дѣйствительности, благодаря недостатку знакомства съ ними или же тѣмъ или другимъ предвзятымъ мнѣніямъ и предразсудкамъ. Поэтому понятіе реализма почти совпадаетъ здѣсь съ понятіемъ

научности въ соціальной политикѣ. Можно было бы привести и другіе примѣры различнаго значенія понятія реализмъ въ зависимости отъ того соотношенія, въ которомъ оно употребляется.

Очевидно, то значеніе, которое придано слову реализмъ въ интересующемъ насъ случаѣ, взято изъ обыденнаго словоупотребленія; оно обозначаетъ здѣсь вѣрность дѣйствительности, трезвость, научность, соединенную съ устраненіемъ всякихъ иллюзій, фантасмагорій, обмановъ и самообмановъ. Стремленіе къ реализму въ этомъ смыслѣ, не исключая, конечно, возможности частныхъ ошибокъ и заблужденій, требуетъ безусловнаго признанія нуждъ и фактовъ дѣйствительности, правдиваго и внимательнаго къ нимъ отношенія. Трезвость, научность, правдивость и искренность—вотъ что̀ можетъ значить слово̀ реализмъ въ той связи, какъ оно употребляется авторами «Очерковъ реалистическаго міровоззрѣнія» (иначе совершенно нельзя понять плана этой книги); въ этомъ смыслѣ и мы будемъ употреблять его въ дальнѣйшемъ изложеніи.

И вотъ нужно прежде всего указать, что хотя «реалистическое» міросозерцаніе противопоставляется идеалистическому и признается, очевидно, чуждымъ для идеалистовъ, эти послѣдніе имѣютъ претензію считать именно себя представителями истинно реалистическаго міровоззрѣнія, и на этомъ основаніи такое противопоставленіе имъ представляется совершенно ошибочнымъ и незаконнымъ. Высказанное утвержденіе противорѣчитъ, вѣроятно, привычнымъ представленіямъ многихъ читателей, ибо распространенное обвиненіе противъ идеалистовъ въ томъ и состоитъ, что они измѣняютъ реализму. Поэтому разберемъ подробнѣе главныя основанія, на которыхъ утверждается такое обвиненіе.

Первое и важнѣйшее основаніе состоитъ въ томъ, что идеалисты выступили въ защиту правъ человѣческаго духа, снова выдвинувъ «проклятые вопросы» философскаго и религіознаго характера, которые открыто гнала или просто игнорировала господствующая философія позитивизма. Они поставили въ связи съ этимъ общій и основной вопросъ философіи реализма: какъ мыслить ту таинственную первооснову, изъ которой вырастаютъ измѣнчивыя и преходящія явленія бытія? что̀ есть міръ или *все*, и что̀ дѣлаетъ міръ міромъ, т. е. разрозненныя, фантастическія явленія соединяетъ въ единое, закономѣрное цѣлое? На философскомъ языкѣ вопросъ этотъ (т. наз. онтологическій) форму-

лируется такъ: какова субстанція міра,—матерія или духъ? Уступая доводамъ философствующаго разума и даннымъ внутренняго опыта, — нравственнаго и религіознаго сознанія, большинство идеалистовъ признаетъ, что міръ реальнаго не ограничивается явленіями, наблюдаемыми нами черезъ посредство пяти чувствъ, что этотъ міръ явленій есть лишь обнаруженіе духовной міровой субстанціи, почему и область бытія оказывается и шире и, такъ сказать, глубже чувственно познаваемаго міра явленій. Сферу реальнаго, истинно сущаго идеалисты сознательно расширяютъ поэтому за предѣлы чувственно познаваемаго и дѣлаютъ это не вопреки философіи реализма, а именно во имя требованій этой послѣдней. Нѣкоторые же идеалисты дошли при этомъ даже до такой дерзости, что открыто возвратились къ «необразованной вѣрѣ въ Бога», за которую въ свое время доставалось еще Достоевскому отъ «образованныхъ» людей.

Напротивъ, позиція философіи позитивизма, которая считаетъ себя научной *и потому* реалистической, въ данномъ случаѣ представляется намъ въ дѣйствительности антиреалистической. Вѣдь «проклятые вопросы» представляютъ собой такой же фактъ дѣйствительной жизни, такое же показаніе сознанія, какъ и данныя пяти чувствъ, а жажда духовная, религіозно-метафизическая столь же реальна какъ и жажда физическая, и въ отдѣльныхъ случаяхъ достигаетъ даже неменьшей интенсивности.

И какъ же поступаетъ въ виду этого позитивизмъ? Онъ просто отмахивается отъ этихъ вопросовъ, говоритъ: не спрашивай, ибо на этотъ вопросъ не можетъ отвѣтить опытная наука (т. е. наука, изучающая міръ явленій), а все, что внѣ нея, не существуетъ и не имѣетъ права на просвѣщенное вниманіе. Впрочемъ, въ настоящее время рѣдко уже встрѣчается столь прямодушная откровенность догматическаго позитивизма. Теперь въ качествѣ послѣдняго слова философіи предлагается критическій позитивизмъ, гдѣ тожественный отвѣтъ закутывается въ туманную форму теоріи познанія. При помощи діалектическихъ изворотовъ ученій теоріи познанія (идущей въ данномъ случаѣ по совершенно тому же пути, что и древняя софистика) здѣсь доказывается, что «проклятые вопросы» суть вовсе не вопросы, ибо они лишены всякаго содержанія и представляютъ такимъ образомъ родъ философскаго недомыслія. Философія этого направленія изслѣдуетъ шелуху, заранѣе вынувъ орѣхъ, и для утоленія духовнаго

голода человѣчества она имѣетъ лишь педантически высокомѣрное заявленіе, что онъ есть простое недоразумѣніе, которое достаточно устраняется критической теоріей познанія.

Эта точка зрѣнія можетъ доказываться и фактически доказывается на разные лады, ибо формальная способность нашего ума къ отвлеченію и логическимъ построеніямъ практически безгранична. Мы не ставимъ здѣсь своей задачею критику этой точки зрѣнія, да и вообще думаемъ, что окончательно уничтожить теоретически многоголовую гидру критическаго позитивизма фактически невозможно вслѣдствіе многообразія его формъ: позитивизмъ нужно не столько опровергнуть, сколько перерости. Это есть философія, которая вполнѣ удовлетворяетъ духовныя потребности человѣка въ извѣстной стадіи развитія; бороться съ нею слѣдуетъ, пробуждая новыя потребности и показывая, что возможно міросозерцаніе, которое полнѣе, богаче, научнѣе, даже реалистичнѣе. Да, реалистичнѣе, ибо, правда, какое изъ двухъ міровоззрѣній стоитъ ближе къ жизни и дѣйствительности: то ли, которое отстаиваетъ духовные запросы человѣка, или то, которое надменно обзываетъ попытку на нихъ отвѣтить недоразумѣніемъ или просто и откровенно чепухой. Сократъ, не опровергая софистовъ аргументами теоріи познанія, помогъ человѣчеству перерости софистику, фактически показавъ ему ея ограниченность, открывъ для него новый міръ реальнаго. И мы предоставляемъ рѣшить безпристрастному читателю, кто былъ болѣе реалистомъ: софисты ли, которые своею скептическою теоріей познанія расшатали всякую реальность, или же Сократъ, который открылъ новую реальность, помимо реальности преходящихъ явленій, нравственный міръ человѣка? Истинному реализму одинаково чуждо какъ то міровоззрѣніе, въ которомъ человѣкъ разсматривается въ качествѣ безплотнаго духа, такъ и то, гдѣ онъ фигурируетъ только въ качествѣ животнаго. Это легко пояснить на примѣрѣ художественныхъ направленій. Извѣстно, каковы особенности натуралистическаго направленія, связаннаго съ именемъ Золя. Человѣкъ изображается здѣсь какъ животное, обладающее физическими потребностями и разными низшими чувствами. Естественно, что міръ при такомъ пониманіи человѣческой природы превращается въ зоологическій музей, и отдѣльныя камеры этого музея и показываетъ намъ Золя въ своихъ романахъ. Реалистиченъ ли подобный натурализмъ? Не содержитъ ли онъ въ себѣ

такую же ложь, такую же фальсификацію жизни, какъ и ложноклассицизмъ или крайній романтизмъ, которымъ онъ противополагается»? Кто въ большей степени реалистъ: Золя и его подражатели, или же Гете и Байронъ, Пушкинъ и Лермонтовъ, Достоевскій и Толстой, которымъ вѣдомы и глубины человѣческаго духа и его идеальные запросы? Кто изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ больше знаетъ человѣческую душу и живую дѣйствительность? Въ философскомъ идеализмѣ русская мысль вступаетъ на путь того реализма, который давно уже открыло русское искусство, идущее вообще впереди русской мысли. Идеалисты могутъ считать Пушкина и Лермонтова, Достоевскаго и Толстого своими философскими учителями, раскрывшими въ художественныхъ образахъ тѣ начала истиннаго реализма, которыхъ путемъ логическаго отвлеченія ищетъ философская мысль, и радостно идти по стопамъ такихъ учителей...

Второе основаніе, которое любятъ приводить противники идеализма въ доказательство его антиреалистичности, есть его якобы антинаучность. Реалистическое міросозерцаніе должно быть научнымъ; точнѣе оно должно находиться въ согласіи съ данными научнаго знанія и не можетъ имъ противорѣчить; всякое ученіе которое въ наши дни идетъ противъ науки, тѣмъ самымъ подписываетъ себѣ смертный приговоръ (хотя это никоимъ образомъ не значитъ, чтобы оно должно было замыкать кругъ своихъ проблемъ и ученій границами опытной науки). Но никакое міровоззрѣніе неспособно въ такой степени утвердить права познающаго разума и научнаго знанія, какъ именно идеализмъ; вѣра въ разумъ, характерная для конца XVIII и начала XIX вѣка, утверждена была никѣмъ инымъ, какъ великими представителями философскаго идеализма, начиная съ Канта. Для позитивиста разумъ, познавательная и мыслительная способность человѣка, есть только одно изъ многочисленныхъ слѣдствій многочисленныхъ причинъ, простое орудіе борьбы за существованіе, одинъ изъ попутныхъ результатовъ приспособленія въ этой борьбѣ, и только; понятіе истины установляется *полезностью* въ борьбѣ за существованіе, такъ что истинность и полезность соединяются почти знакомъ равенства. Если бы позитивисты были послѣдовательнѣе, они должны были бы придти къ скептическому взгляду на науку и на возможность и даже цѣлесообразность познанія истины. Напротивъ, для идеалиста разумъ есть абсолютное міровое начало, универсальный

принципъ, царящій какъ въ мірѣ, такъ и въ нашемъ сознаніи единство и тожество объективнаго разума вещей и субъективнаго познающаго разума только и дѣлаетъ возможнымъ и понятнымъ существованіе науки и ставитъ ей опредѣленную задачу познанія истины мірового разума. Для идеалиста разумъ (Λόγος) божественъ, онъ есть очевидное и непосредственное откровеніе божества, «свѣтъ міра», а, слѣдовательно, божественна и наука, божественъ научный геній человѣчества, раскрывающій предъ нимъ безконечные горизонты. И именно идеалистамъ приписывается отрицаніе науки, средневѣковый обскурантизмъ!

Но, конечно, неразумнымъ поклоненіемъ изъ всего можно сдѣлать кумиръ, и въ такой кумиръ превращена позитивистами наука, которой они хотятъ замѣнить и устранить философію. Идеалисты потому только и навлекли на себя указанныя обвиненія, что возражали противъ предразсудковъ, связанныхъ съ неправильнымъ расширеніемъ правъ науки; но, борясь за дѣйствительныя права науки, которыя нарушаютъ позитивисты, хотя бы и въ сторону ихъ преувеличенія, идеалисты выступаютъ именно въ защиту истинной научности, научнаго реализма. И здѣсь они хотятъ быть никѣмъ другимъ, какъ только реалистами.

Остается, наконецъ, еще одна сторона, съ которой идеализмъ противопоставляется реалистическому міросозерцанію, именно область практической жизни, практическаго разума. Идеализмъ приводитъ къ квіэтизму, стремится установить пассивное и равнодушное отношеніе къ жизни, отвлекаетъ отъ важнѣйшихъ практическихъ задачъ историческаго момента—вотъ ходячія обвиненія, которыя безъ конца повторяются критиками. Обвиненія тяжелыя, въ особенности для міровоззрѣнія, для котораго высшимъ нравственнымъ догматомъ должны являться слова великаго апостола: «если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдь звенящая или кимвалъ звучащій. Если я имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви,—то я ничто». Можно ли помирить это ученіе съ пассивностью, безучастностью, квіэтизмомъ? Въ чаду фанатической нетерпимости создалась и поддерживается легенда о «реакціонности» идеализма. Идеалистамъ приходится лишь терпѣливо ожидать, покуда разсѣется самъ собою этотъ предразсудокъ, и въ отвѣтъ на это снова и снова указывать, что при свѣтѣ

религіознаго идеализма историческія задачи получаютъ значеніе безусловныхъ обязанностей, а жизнь, «даръ напрасный, даръ случайный» для позитивиста, пріобрѣтаетъ вѣчный и глубокій смыслъ миссіи, которую мы должны исполнить, внеся свой вкладъ въ историческій процессъ устроенія царствія Божія.

Но какъ же относятся, однако, идеалисты къ реальной политикѣ и положительной общественной наукѣ, на которой въ значительной степени эта политика основана? Не желаютъ ли они въ самомъ дѣлѣ, какъ это можно прочесть или услыхать, замѣнить точное научное изслѣдованіе декретами абсолюта, не считая презрѣнную «эмпирическую дѣйствительность» достойною своего вниманія? Единственное косвенное подтвержденіе этого фантастическаго мнѣнія можно видѣть въ томъ, что сборникъ «Проблемы идеализма» состоитъ исключительно изъ статей философскаго характера, но, конечно, это нисколько не означаетъ, чтобы авторы безучастно игнорировали политическую экономію, статистику и т. д. За невозможностью въ одномъ сборникѣ объять необъятное, а также въ интересахъ литературнаго самоопредѣленія идеалисты остановились только на тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ они отличаются отъ существующихъ направленій, умалчивая или ограничиваясь короткими заявленіями по всѣмъ остальнымъ вопросамъ, по которымъ они болѣе или менѣе примыкаютъ къ существующимъ теченіямъ. Правда, идеалисты отрицаютъ за положительной соціальной наукой право на рѣшеніе чисто философскихъ задачъ, связанныхъ съ основами міросозерцанія, но за то съ тѣмъ большимъ успѣхомъ ею можетъ быть исполняемо скромное и непритязательное дѣло разрѣшенія спеціальныхъ вопросовъ въ предѣлахъ спеціальности.

Въ частности въ вопросахъ экономическихъ идеализмъ, какъ міровоззрѣніе, характеризуется сравнительнымъ нейтралитетомъ по отношенію къ двумъ существовавшимъ у насъ направленіямъ, т. е. къ марксизму и къ народничеству. Эти направленія различаются между собою не столько по философскимъ мнѣніямъ (они представляютъ собой простыя разновидности позитивизма и оба въ настоящее время съ одинаковымъ ожесточеніемъ враждуютъ противъ идеализма), сколько по экономическому міровоззрѣнію, гдѣ они отстаиваютъ различное пониманіе и истолкованіе фактовъ экономическаго развитія Россіи. Особенность обоихъ міровоззрѣній состоитъ въ томъ, что вопросы экономической дѣйствительности,

вопросы факта, получаютъ въ нихъ значеніе вопросовъ принципа, направленской догмы.

Это легко понять, если принять во вниманіе, что, согласно этимъ ученіямъ, и тѣ идеалы, которыми обусловливается такой интересъ къ экономическимъ вопросамъ, обосновываются въ предѣлахъ той же экономической науки, т.-е. не на вѣчныхъ непререкаемыхъ философскихъ началахъ, а на фактическомъ, историческомъ ходѣ вещей. Марксизмъ только послѣдовательнѣе народничества формулируетъ эту точку зрѣнія, но принципіальнаго различія здѣсь между ними нѣтъ. По логикѣ марксизма, слѣдуетъ согласоваться съ законами общественнаго развитія, которые съ желѣзной необходимостью опредѣляютъ будущее: на этомъ основаніи разумно и естественно стремиться къ коллективизму, потому что наступленіе его опредѣляется внутренними («имманентными») законами развитія капиталистическаго общества, которыхъ нельзя ни предотвратить, ни измѣнить. Въ лексиконѣ строгаго марксизма не полагается даже слова *идеалъ*, здѣсь слышатся слова: естественная необходимость, законъ развитія, желѣзный ходъ вещей, муки родовъ, колесо исторіи. Въ «субъективной соціологіи» слово идеалъ употребительнѣе, но, по философскому ея строенію, здѣсь ему также мало мѣста, какъ и тамъ. При такомъ міровоззрѣніи естественно придавать исключительное, т.-е. не только соціально политическое, но и принципіальное философское значеніе тому или иному рѣшенію вопросовъ экономическаго развитія, разъ въ этихъ вопросахъ разрѣшаются всѣ вопросы міровоззрѣнія. Однако со стороны видно, что марксизмъ, въ меньшей степени, и народничество, впадаютъ здѣсь въ иллюзію, полагая, что въ соціальной наукѣ рѣшается вопросъ и о самыхъ соціальныхъ идеалахъ, въ дѣйствительности заранѣе извѣстнымъ образомъ предрѣшенный.

Для интеллигента идеалы свободы, равенства и братства стали второй натурой, какъ бы его апріори, срослись неразрывно съ его сердцемъ. Естественно, если соціальная наука уступаетъ этому горячему желанію сердца, и «неумолимо объективное» изслѣдованіе даетъ именно этотъ предрѣшенный результатъ, въ формѣ той или другой фактической доктрины. Ибо соціальная наука, и даже статистика, которая импонируетъ многимъ своимъ цифровымъ языкомъ, вовсе не есть точная наука и слишкомъ легко уступаетъ предвзятымъ мнѣніямъ, особенно если они обладаютъ несокрушимою прочностью.

Ясно, что подобное извращеніе значенія тѣхъ или иныхъ вопросовъ, т.-е. превращеніе соціальныхъ наукъ, рѣшающихъ лишь спеціальные вопросы, въ науки міровоззрѣнія, которыми ставятся общіе философскіе вопросы, въ высшей степени неблагопріятно для спеціальнаго научнаго анализа, который требуетъ внутренней свободы отъ предвзятыхъ мнѣній. На этомъ основаніи оба экономическія направленія оказываются враждебны дѣйствительному научному реализму именно въ области экономическихъ вопросовъ, потому что ими неизбѣжно вносится совсѣмъ не идущій въ спеціальныя области знанія догматизмъ. При такомъ положеніи вещей къ спеціальнымъ наукамъ приступаютъ не только въ цѣляхъ спеціальнаго поученія, но съ готовыми тезисами, которые нужно во что бы то ни стало доказать *подъ угрозой ломки цѣлаго міросозерцанія*.

Потому-то марксистская экономическая литература нерѣдко и отличается въ такой степени тенденціозностью и у насъ, и на западѣ; то же можно сказать и о народнической [1]).

Возможный нейтралитетъ, въ смыслѣ отсутствія предвзятостей по отношенію къ возможному рѣшенію того или другого вопроса экономической и политической жизни создаетъ наиболѣе благопріятныя условія для научнаго реализма, и по крайней мѣрѣ въ наибольшей степени къ нему предрасполагаетъ. Такимъ нейтралитетомъ именно и характеризуется позиція идеализма въ области вопросовъ практической политики. *Какъ таковой*, онъ не имѣетъ опредѣленныхъ, предвзятыхъ мнѣній по вопросамъ экономической и соціальной политики, и можетъ совмѣщаться съ различнымъ практическимъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ при неизмѣнности, конечно, общаго идеала; онъ можетъ признать эти рѣшенія въ соотвѣтствіи указаніямъ науки и жизни, не опасаясь изъ-за этого ломки міросозерцанія и крушенія своего основного идеала. Нейтралитетъ въ данномъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ безпринципностью и индифферентизмомъ. Идеализмъ столь же мало индифферентенъ къ вопросамъ политики и экономики, какъ и народничество и марксизмъ, и его воодушевляютъ

---

[1]) Беря за одну скобку марксизмъ и народничество въ томъ, что у нихъ общаго, мы отнюдь не игнорируемъ различій между ними именно въ степени ихъ приближенія къ идеалу научнаго реализма. Въ силу общей своей исторической позиціи марксизмъ оказался вообще значительно реалистичнѣе народничества, какъ болѣе позднее направленіе, умудренное историческимъ опытомъ того же народничества и новыми фактами исторіи.

тѣ же конечные идеалы свободы, равенства и братства, что и эти оба направленія. Онъ отличается лишь способомъ обоснованія этихъ идеаловъ, ибо онъ обосновываетъ ихъ философски, а не исторически и соціологически, какъ они. Въ исторіи и общественной наукѣ идеализмъ ищетъ не обоснованія идеала, а наиболѣе подходящихъ и практичныхъ средствъ для его осуществленія при данныхъ обстоятельствахъ, въ данной исторической обстановкѣ. Идеалъ есть общая руководящая цѣль, которая воплощается въ жизни во множествѣ частныхъ конкретныхъ цѣлей и практическихъ задачъ, вырастающихъ изъ извѣстныхъ историческихъ условій. И эти условія должны быть тщательно изучены и учтены въ цѣляхъ наиболѣе успѣшнаго преобразованія дѣйствительности въ направленіи идеала.

Мы изучаемъ, напр., положеніе промышленности и въ частности анализируемъ условія развитія и конкуренціи крупной и мелкой промышленности. На основаніи этого анализа мы приходимъ къ нѣкоторымъ обобщающимъ выводамъ относительно жизнеспособности той или другой формы промышленности и соотвѣтственно тому вырабатываемъ и планъ практической политики. Для идеалиста при этомъ совершенно не имѣетъ значенія жгучій для марксиста вопросъ объ установленіи во что бы то ни стало «закона развитія» современнаго общества, на основаніи котораго можно было бы предопредѣлить фактическій ходъ будущаго развитія. Идеализмъ совсѣмъ отрицаетъ возможность подобныхъ историческихъ предвидѣній и даже самое существованіе такихъ желѣзныхъ и неотвратимыхъ законовъ развитія, которые бы позволяли сдѣлать такое предсказаніе. Всѣ попытки предсказаній, которыя производились иногда весьма выдающимися людьми (напр., Марксомъ), скоро опровергались исторіей, да и самое понятіе историческаго закона полно логическихъ недоразумѣній и противорѣчій. Во всякомъ случаѣ желѣзнымъ законамъ механической необходимости нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ дѣйствуетъ человѣческая воля. Практическій мотивъ, ради котораго марксисты такъ дорожатъ своей идеей желѣзныхъ законовъ общественнаго развитія, состоитъ въ томъ, что установляя подобные законы, они надѣются укрѣпить свою вѣру въ добро, создать увѣренность въ торжество идеаловъ. Какъ было замѣчено выше, они стоятъ при этомъ на совершенно ложномъ пути, который не можетъ привести ихъ къ желанной

и притомъ вполнѣ законной цѣли. Отрицая этотъ путь и не нуждаясь въ такомъ подкрѣпленіи, идеалисты въ области соціальной политики руководятся принципомъ: довлѣетъ дневи злоба его. Намъ нужно для злобы нашего дня знать наши нынѣшнія условія и, на основаніи этого знанія, готовиться къ завтрашнему дню (хотя, конечно, это отнюдь не значитъ, чтобы идеалисты склонны были къ проповѣди такъ называемыхъ малыхъ дѣлъ и не признавали великихъ историческихъ задачъ, которыя ставитъ намъ наше время). Другими словами, отношеніе идеалистовъ къ вопросамъ соціальной науки исключительно практическое, свободное отъ постороннихъ теоретическихъ цѣлей. Для нихъ не существуетъ въ экономической наукѣ марксистскихъ или народническихъ, мелко-буржуазныхъ или какихъ-либо другихъ мнѣній, а есть только истинныя или ошибочныя, доказанныя или недоказанныя положенія науки. На этомъ основаніи идеалисты по отдѣльнымъ конкретнымъ вопросамъ могутъ примыкать какъ къ марксизму, такъ и къ народничеству, оставаясь при этомъ самими собою; они удерживаютъ за собой и драгоцѣнное право, не связывая себя догматическими рамками, развиваться и измѣнять свои практическія мнѣнія вмѣстѣ съ жизнью и развивающейся соціальной наукой. Въ данный моментъ нѣкоторые идеалисты въ своемъ экономическомъ міросозерцаніи соединяютъ черты, на основаніи которыхъ ихъ можно было бы причислить и къ марксистамъ, и къ народникамъ. Въ пониманіи общаго экономическаго развитія Россіи, какъ процесса капиталистическаго, и въ рабочемъ вопросѣ они близко стоятъ къ марксизму, напротивъ, въ аграрномъ и крестьянскомъ вопросѣ скорѣе приближаются къ народникамъ (не раздѣляя, впрочемъ, ихъ предубѣжденій и ихъ идеализаціи общиннаго землевладѣнія). Вообще, признавая полную зависимость своей практической программы отъ историческихъ условій и при полной готовности измѣнять ее въ соотвѣтствіи требованіямъ измѣняющейся жизни, идеалисты имѣютъ и въ настоящее время опредѣленную политическую и соціально-экономическую программу.

Подводя итоги сказаному, мы констатируемъ, что во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ идеализмъ имѣетъ полное право считать себя реалистическимъ міросозерцаніемъ по преимуществу; между идеализмомъ и реализмомъ не только нѣтъ противоположности, но существуетъ значительное внутреннее сродство,

такъ что, если бы не неудобства введенія новаго и необычнаго термина, идеализмъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, слѣдовало бы называть, во избѣжаніе недоразумѣній, *идеалъ-реализмомъ*.

Теперь обратимся къ «Очеркамъ реалистическаго міровоззрѣнія» и посмотримъ, въ какой мѣрѣ оно удовлетворяетъ вышеустановленнымъ требованіямъ реализма, и дѣйствительно ли оно есть то, за что себя выдаетъ. Мы не будемъ при этомъ входить въ разсмотрѣніе отдѣльныхъ статей и ихъ аргументаціи, насъ интересуютъ лишь отправные пункты и окончательные выводы. Мы предполагаемъ воспользоваться имъ, главнымъ образомъ, какъ отрицательной иллюстраціей къ намѣченному выше пониманію реализма.

Въ сборникѣ пріятно поражаетъ прежде всего отдѣлъ, посвященный тѣмъ же вопросамъ, что и «Проблемы идеализма». Итакъ, послѣднія получаютъ, наконецъ, права гражданства, и позитивисты съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ идеалисты, занимаются философскими проблемами. Я хорошо еще помню время, когда это считалось предосудительнымъ (такъ что, напр., мой споръ съ г. Струве о свободѣ и необходимости признавался компетентными судьями для марксизма совершенно ненужнымъ). Кантъ же, который цитируется въ сборникѣ несравненно чаще чѣмъ Марксъ (и иногда съ уваженіемъ), просто объявлялся представителемъ «мелкобуржуазной» формы мышленія, и этой квалификаціи было достаточно, чтобы покончить съ кенигсбергскимъ Сократомъ. Въ первомъ отдѣлѣ сборника настолько сильно отразились новыя вѣянія, что можно положительно забыть о марксизмѣ ихъ авторовъ, которые только изрѣдка и какъ бы по долгу службы вспоминаютъ сакраментальныя формулы объ «экономическомъ базисѣ» и нѣкоторыя иныя, если не изъ забытыхъ, то несомнѣнно уже забываемыхъ словъ. Въ статьяхъ перваго отдѣла такъ мало специфически марксистскаго, что подъ ними могутъ почти цѣликомъ подписаться и свободомыслящій народникъ и даже—horribile dictu—представитель «буржуазнаго міровоззрѣнія», совершенно чуждый и даже прямо враждебный идеаламъ марксизма. Вообще, мы имѣемъ здѣсь кругъ проблемъ и идей, Марксу и Энгельсу совершенно чуждый [1]), но за то зна-

[1]) Такъ, напр., совершенно противорѣчитъ основной идеѣ марксизма объ естественной, научно вычисляемой необходимости наступленія будущаго

чительно приближающійся къ Ницше и новѣйшимъ представителямъ нѣмецкой школьной философіи (Маху и Авенаріусу).

Не мы, конечно, будемъ корить за то участниковъ сборника, напротивъ, включеніе въ него «проблемъ идеализма» мы въ качествѣ реалистовъ можемъ только привѣтствовать, ибо это включеніе дѣйствительно вызывается требованіями правильно понятаго реализма. Къ сожалѣію, привѣтствіе это можетъ относиться только къ формальной постановкѣ задачи. Въ ея разрѣшеніи авторы перестаютъ быть реалистами. Съ доктринерствомъ совершенно антиреалистическимъ они декретируютъ уничтоженіе тѣхъ самыхъ духовныхъ запросовъ и потребностей, ради которыхъ только и существуютъ «проблемы идеализма»; съ утопизмомъ также вполнѣ нереалистическимъ они надѣются, что человѣчество послѣдуетъ этимъ декретамъ и заглушитъ въ себѣ эти запросы и потребности. Пояснимъ сказанное на двухъ основныхъ вопросахъ. Первый вопросъ, вопросъ всѣхъ вопросовъ, касается того, что представляется намъ съ одной стороны самымъ близкимъ и непосредственнымъ, а съ другой — наиболѣе проблематичнымъ, жизни нашей, ея смысла и цѣнности. Наша жизнь содержитъ въ себѣ столько противорѣчій, представляетъ такую смѣсь высокаго и низкаго, понятнаго и непонятнаго, что человѣческое сознаніе не принимаетъ и не можетъ принять ее какъ фактъ, не возбуждающій никакихъ вопросовъ, самъ собою понятный; оно ищетъ путеводной нити въ этомъ лабиринтѣ, свѣта въ этомъ хаосѣ. Вспомнимъ нашего великаго поэта, который съ отчаяніемъ вопрошалъ:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?..

свѣтлаго царства сужденіе на стр. 181 (въ статьѣ г-на Луначарскаго): «не вѣра—увѣренность—въ фатальномъ наступленіи царства счастія, дѣлающая насъ пассивными, дѣлающая лишними наши усилія, а вѣра—надежда—вотъ сущность религіи человѣчества». Такое сужденіе, казалось бы, было естественнѣе встрѣтить на страницахъ «Русскаго Богатства», а не то и «Проблемъ Идеализма», а не въ марксистскомъ сборникѣ. Я лично вполнѣ раздѣляю высказанную здѣсь точку зрѣнія.

Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Какой же отвѣтъ на Пушкинскій вопросъ находимъ мы въ сборникѣ? А вотъ какой: «смыслъ жизни есть жизнь. Возникнувъ на землѣ, жизнь стремится сохраняться, но, окрѣпнувъ въ борьбѣ, она принимаетъ наступательный (?) характеръ. Смыслъ жизни для человѣка есть ея расширеніе» (180). Отвѣтить подобнымъ тожесловіемъ, которое на разные лады усердно повторяется разными авторами, значитъ, по-моему, одно изъ двухъ: или посмѣяться надъ спрашивающимъ, повторить вопросъ въ формѣ отвѣта, или же отвѣтить: не спрашивай, ибо на этотъ вопросъ не можетъ быть отвѣта и спрашивать не о чемъ. Старый, наивный позитивизмъ поступалъ серьезнѣе и прямѣе, нежели модернизированный, прямо и открыто исключая эти вопросы, ограничивая область разумнаго изслѣдованія только вопросомъ *почему*, но не *зачѣмъ*. Допуская, что человѣкъ можетъ послѣдовать этой указкѣ и спрашивать только о томъ, что разрѣшено, а не о томъ, что нужно и важно, позитивизмъ впадаетъ въ очевидный утопизмъ. И исторія философіи въ дѣйствительности подтверждаетъ, что господство позитивизма въ человѣческой мысли никогда не было долговѣчнымъ, и подавленные запросы духовной жизни съ новой силой вставали предъ мыслью; это происходитъ и въ настоящее время. Тавтологическій отвѣтъ «цѣль жизни есть жизнь» не можетъ почитаться отвѣтомъ еще и потому, что жизнь есть понятіе неопредѣленнаго и, можно сказать, прямо безграничнаго объема и содержанія. На этомъ основаніи въ разсматриваемой формулѣ при неизмѣнномъ значеніи понятія «жизнь» какъ подлежащаго, «жизнь» какъ сказуемое можетъ получить самое различное, хотя и подразумѣвающееся значеніе, и подъ этимъ ничего не говорящимъ этикетомъ можно провести какой угодно, даже самый контрабандный грузъ. «Пить кипрское вино и цѣловать красивыхъ женщинъ» или бороться за освобожденіе человѣчества (извѣстная дилемма Лассаля), и то, и другое одинаково есть «жизнь». Какъ извѣстно, по поводу Пушкинскихъ стансовъ было написано нѣсколько стихотвореній, и одно изъ нихъ (Клюшникова) также цѣликомъ повторяетъ указанную формулу:

Даръ мгновенный, даръ прекрасный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Умъ молчитъ, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мнѣ дана.

Но вотъ какъ въ дальнѣйшемъ развертывается эта формула:

Все прекрасно въ Божьемъ мірѣ:
Сотворивый міръ въ немъ скрытъ...
Но Онъ въ чувствѣ, но Онъ въ лирѣ,
Но Онъ въ разумѣ открытъ.
Познавать Его въ твореньѣ,
Видѣть духомъ, сердцемъ чтить—
Вотъ что значитъ назначенье,
Вотъ что значитъ въ Богѣ жить.

Излишне подчеркивать, до чего противоположно содержаніе, вкладываемое въ одну и ту же неопредѣленную формулу авторами сборника и Клюшниковымъ. Вторымъ пробнымъ камнемъ для испытанія реализма авторовъ сборника служитъ вопросъ о нравственности. Добро и зло, долгъ, совѣсть,—всего этого мы не можемъ удалить изъ своего сознанія, оторвать отъ своей личности, даже если бы мы того и хотѣли. Это неумолчный и таинственный голосъ, который говоритъ человѣку объ его высшемъ достоинствѣ и высшемъ предназначеніи. Нравственная проблема давно уже не была настолько обострена, какъ теперь въ Россіи, во-первыхъ, потому, что жизнь ставитъ ее въ очень рѣзкой формѣ, требуя сплошь и рядомъ героическаго самоотверженія во имя идеала и нравственнаго долга, а во-вторыхъ, благодаря общему кризису міровоззрѣнія философскаго и религіознаго. Для позитивистовъ нравственная проблема есть самая неудобная потому, что она настойчиво выводитъ мысль за предѣлы чувственнаго, эмпирическаго міра, царства причинъ и слѣдствій, въ область свободнаго самоопредѣленія человѣческаго духа, которой нѣтъ мѣста въ позитивной философіи. И вмѣстѣ съ тѣмъ большинству ея сторонниковъ практически нравственность слишкомъ дорога, чтобы можно было пожертвовать ею ради теоретическаго предубѣжденія. Проблема о нравственности принимаетъ поэтому прямо трагическій характеръ

Возможны три способа рѣшенія нравственной проблемы. Первый способъ характеризуется тѣмъ, что обоснованіе нравственности ищется въ истинахъ религіозно-метафизическаго характера;

съ этой точки зрѣнія нравственность необходимо приводитъ къ метафизикѣ и, въ конечномъ счетѣ, къ религіи. Второй способъ состоитъ въ томъ, что нравственность пытаются установить средствами науки. Въ результатѣ получается т. наз. научная нравственность. Но можетъ ли наука, спрашивающая лишь *почему* и *отчего*, дать основанія для долженствованія, для того приказа совѣсти, которымъ характеризуется нравственная жизнь? Въ этой своей основной характеристикѣ нравственность есть нѣчто настолько своеобразное, внѣнаучное и сверхнаучное, что не поддается научному обоснованію. Болѣе рѣшительнымъ и послѣдовательнымъ намъ представляется поэтому третій способъ разрѣшенія вопроса о нравственности, которое состоитъ ни больше, ни меньше какъ въ устраненіи самой проблемы, во имя торжества научнаго позитивизма. Это, дѣйствительно, послѣдовательно, но справедливо ли и возможно ли это? Уничтожается ли однимъ отрицаніемъ вопросъ о загадочномъ фактѣ нравственности? Отрицая нравственность и ея проблему, не походимъ ли мы на человѣка, который закрылъ глаза, чтобы отдѣлаться отъ вопроса о содержаніи картины, или намѣренно зажалъ уши, чтобы не слышать возраженій? Реалистично ли это?

Именно послѣднее воззрѣніе на мораль представлено въ сборникѣ (въ особенности въ статьѣ г. Базарова). Вопросъ рѣшается очень просто и радикально: мораль выпроваживается здѣсь изъ сознанія «свободнаго» человѣка во имя этой фантастической свободы (какихъ только значеній нельзя при желаніи придать слову свобода: въ данный моментъ внутренней свободой называется свобода отъ нравственности, слѣдующимъ шагомъ будетъ, вѣроятно, свобода отъ логики). Но при этомъ совершенно отсутствуютъ тѣ трагическіе тоны, которые исторгаетъ разрушеніе нравственности у тѣхъ, кому это, дѣйствительно, въ серьезъ; отрицаніе морали, аморализмъ или точнѣе антиморализмъ, выступаетъ у нашихъ декадентовъ отъ марксизма облеченное какимъ-то ухарствомъ, изъ трагедіи получается водевиль съ переодѣваньемъ. Новые эстеты высказываютъ пожеланіе и надежду, что совѣсть со временемъ утратитъ свой этическій характеръ, замѣнивъ его эстетическимъ; попутно устраняется кантовскій принципъ: человѣкъ для человѣка есть самоцѣль; всѣ трудности и неудобства, проистекающія отъ этихъ опустошеній, устраняются однимъ тарабарскимъ словомъ «гармонизація вну-

тренняго опыта», подкрѣпляемымъ еще и противорѣчивымъ понятіемъ «гедонистическихъ нормъ» (при помощи которыхъ, къ слову сказать, съ задняго крыльца можетъ быть впущена обратно вся нравственность, изгнанная съ передняго). Конечнымъ идеаломъ объявляется (идеалы все-таки оставляются) полное упраздненіе понятій добра и зла, совѣсти и нравственнаго сознанія, т. е. то состояніе, которое въ видѣ исключенія достигнуто уже нѣкоторыми вполнѣ «свободными» личностями, но... душевно-больными. *Insanitas moralis въ качествѣ идеала*, таково послѣднее слово марксистскаго декаданса.

Однако все это не такъ страшно, какъ кажется. Наши «реалисты» только пугаютъ своимъ аморализмомъ, а на самомъ дѣлѣ люди очень благонамѣренные и въ высшей степени добродѣтельные. За нихъ можно быть спокойнымъ, что они изъ какихъ угодно посылокъ сдѣлаютъ—и дѣйствительно дѣлаютъ—надлежащіе выводы и всегда оставятъ лазейку, черезъ которую обратно приведутъ изгнанную добродѣтель. Они не провозгласятъ, подобно Раскольникову, права преступленія, не раздѣлятъ антидемократическаго ученія Ницше, не возведутъ въ идеалъ ни Наполеона, ни Лукреціи Борджіа. Своевременно у нихъ явится и «непосредственное» (и на этомъ основаніи почему-то почитаемое ими внѣморальнымъ) или «эстетическое» отвращеніе къ пороку, и идеалы свободы и равенства (которые все-таки христіанскаго происхожденія). Постники и вегетаріанцы, они проповѣдуютъ эпикурейскій аморализмъ, который скорѣе приличествуетъ Петронію и Лукуллу. Какъ это напоминаетъ героевъ романа Чернышевскаго «Что дѣлать», которые, усвоивъ совершенно несвойственную имъ утилитарную мораль, старательно оправдываются отъ всякаго добродѣтельнаго поступка, доказывая, что онъ проистекаетъ изъ соображеній личной пользы. Вѣрно не устарѣли еще слова Вл. Соловьева, который давно уже писалъ: «люди, требовавшіе нравственнаго перерожденія и самоотверженныхъ подвиговъ на благо народное, связывали эти требованія съ такими ученіями, которыми упраздняется самое понятіе о нравственности: ничего не существуетъ, кромѣ вещества и силы, человѣкъ есть только разновидность обезьяны, а потому мы должны думать только о благѣ народа и полагать душу свою за меньшихъ братьевъ». Много костюмовъ съ чужого плеча примѣряла къ себѣ русская интеллигенція, къ счастію, несмотря на всѣ эти переодѣванія,

оставаясь сама собою; очевидно, не хватало еще, чтобы она выступила въ декольтэ аморализма и объявила войну нравственности во имя... нравственности. Honny soit qui mal y pense! [1]).

Такова скорая и короткая расправа, которую чинятъ авторы «Очерковъ» надъ важнѣйшими «проблемами идеализма». Однако, подобная философская хирургія была допустима въ пору первобытной невинности марксизма, теперь же, когда философская дѣвственность почти повсюду утеряна, героическія средства едва ли приведутъ къ цѣли. Мы, съ своей точки зрѣнія, совершенно отказываемся признать этотъ образъ дѣйствій реалистическимъ и видимъ здѣсь не торжество реализма, а совершенно противоположное.

Весьма характерно для теперешней стадіи разложенія теоретическаго марксизма, что сборникъ задается преимущественно оборонительными, апологетическими задачами; здѣсь нѣтъ попытокъ къ дальнѣйшему развитію и усовершенствованію доктринъ марксизма, напр. экономическаго матеріализма, ученія о соціальной закономѣрности и законахъ исторіи, историческихъ предсказаніяхъ, роли личности въ исторіи и т. под. Теперешніе марксисты заняты не столько развитіемъ своего собственнаго міровоззрѣнія, сколько защитой такихъ положенія, которыя ни-

[1]) Съ этимъ, несомнѣнно, несогласенъ авторитетнѣйшій изъ современныхъ нѣмецкихъ представителей ортодоксальнаго марксизма К. Каутскій, который говоритъ: „мы, марксисты, никоимъ образомъ не отрицаемъ силы и значенія нравственности, мы отрицаемъ лишь, чтобы она происходила изъ другого міра, нежели тотъ, съ которымъ только мы и имѣемъ дѣло, міра явленій. Она есть продуктъ общественной жизни, и сама становится важнѣйшей связью, соединяющей общество. Безъ нравственности нѣтъ общества. Каждая общественная форма, каждый общественный классъ имѣетъ свою особую нравственность, но никогда она не представляетъ собой чего-либо чисто условнаго, надъ чѣмъ можетъ распоряжаться каждый по своему желанію, но нѣчто необходимое, необходимое не только въ томъ смыслѣ, что она необходимостью вырастаетъ изъ общественныхъ условій, но и въ томъ, что она неизбѣжна.

Въ настоящее время, когда буржуазная классовая мораль находится въ полномъ разложеніи, многіе элементы, которые не въ состояніи усвоить пролетарскаго самочувствія и пролетарской классовой морали, отбрасываютъ отъ себя вмѣстѣ съ буржуазной и всякую мораль, но у пролетаріата не должно встрѣчаться подобныхъ формъ преодолѣнія буржуазной морали“ (Статья по поводу дрезденскаго партейтага: Nachklänge zum Parteitag въ Die Neue Zeit, Jahrgang 1903—4, № 1, отъ 3 окт. 1902 года). Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Каутскій попытался обосновать утверждаемый имъ абсолютный характеръ морали, ему пришлось бы многое уступить изъ марксизма.

сколько не характерны для марксизма какъ такового, а болѣе или менѣе общи у него со всѣми представителями позитивизма; потому, между прочимъ, теперь и оказывается не мало новыхъ Сауловъ во пророкахъ марксизма, но эти новые союзники отнюдь не суть его прозелиты; ихъ соединяетъ не общая любовь, а общая ненависть.

Вторая часть сборника стремится, повидимому, дать экономическое выраженіе ортодоксальнаго марксизма. Понять планъ, по которому она составлена, въ частности довольно трудно. Если оставить въ сторонѣ сведеніе счетовъ различныхъ экономистовъ между собою, то приходится заключить, что въ качествѣ реалистическаго здѣсь предлагается ортодоксально-марксистское пониманіе экономическихъ вопросовъ, въ особенности аграрнаго, а всякое другое, сколь бы научно оно ни обосновывалось, напередъ отвергается какъ нереалистическое. Критеріемъ реализма здѣсь оказывается признаніе экономическихъ догматовъ марксизма. Такой догматизмъ въ положительной наукѣ, возводимый въ принципъ, есть полное отрицаніе требованій научнаго реализма.

Говоря это, мы не имѣемъ въ виду достоинства той или другой статьи. Намъ интересенъ общій планъ съ точки зрѣнія первоначальнаго *заданія*, общей постановки вопросовъ, поскольку она характеризуетъ то міросозерцаніе, которое авторы совершенно ошибочно называютъ реалистическимъ. Я не остановился бы на словахъ и названіяхъ, если бы въ заглавіи сборника не было скрыто полемическое остріе, направленное противъ идеализма, если бы не подразумѣвалась въ немъ совершенно невѣрная характеристика идеализма. Относительно молодого и недостаточно опредѣлившагося въ литературѣ міровоззрѣнія легко возникаютъ всевозможныя недоразумѣнія. Однимъ изъ самыхъ досадныхъ недоразумѣній, которое я и стремился разсѣять въ этой замѣткѣ, является то, будто бы идеализмъ враждебенъ или противоположенъ реализму, между тѣмъ какъ идеалистическое міровоззрѣніе во всѣхъ отношеніяхъ является принципіально и глубоко реалистическимъ. Высшую задачу этого реалистическаго міровоззрѣнія геніальный реалистъ Достоевскій формулировалъ такъ: *при полномъ реализмѣ найти въ человѣкѣ человѣка* [1]).

---

[1]) Приведу цѣликомъ этотъ замѣчательный фрагментъ изъ записной книжки Достоевскаго: „при полномъ реализмѣ найти въ человѣкѣ человѣка. Это

Въ заключеніе настоящей замѣтки я долженъ все таки привѣтствовать появленіе сборника «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія» не въ интересахъ нынѣшняго дня, а съ болѣе широкой исторической точки зрѣнія. Для нынѣшняго дня проповѣдь аморализма, если она будетъ имѣть успѣхъ, можетъ принести только вредъ. Но разсматриваемый въ исторической перспективѣ сборникъ представляетъ собой яркій симптомъ марксистскаго декаданса. Онъ наглядно показываетъ, сколь глубокая трещина прошла въ сердцевинѣ марксизма и, предназначенный замазать эту трещину, онъ несомнѣнно ее только расширяетъ и углубляетъ. Такихъ противниковъ идеалисты имѣютъ полное основаніе считать своими союзниками и соработниками въ трудномъ дѣлѣ построенія и утвержденія въ умахъ русскаго общества истинно реалистическаго міросозерцанія.

Сергѣй Булгаковъ.

русская черта по преимуществу, и въ этомъ смыслѣ я, конечно, народенъ (ибо направленіе мое истекаетъ изъ глубины христіанскаго духа народнаго)— хотя и неизвѣстенъ русскому народу теперешнему, но буду извѣстенъ будущему. Меня зовутъ психологомъ: неправда, я лишь реалистъ въ высшемъ смыслѣ, т.-е. изображаю всѣ глубины души человѣческой". Реализмъ „въ высшемъ смыслѣ", свойственный Достоевскому и Толстому, можно поистинѣ назвать *Евангельскимъ реализмомъ*.